

Жун Ху появился очень скоро и, войдя в комнату, тотчас же сказал:

— Они остановили Цю Лань за воротами дворца вдовствующей императрицы, к счастью, у меня там были дела, и я как раз поспешил ей на помощь. Эти люди являются детьми знати, которые постоянно приезжают во дворец. Я поначалу не хотел причинять хлопот, только сказал им пару слов в назидание, но в итоге они, полагаясь на чьё-то покровительство, неожиданно перешли в нападение.

На его прекрасном лице красовались несколько синяков, увидев которые, Фэн Мин с удивлением спросил:

— Что? Разве ты не распоряжаешься дворцовой стражей? И они неожиданно осмелились подражаться с тобой?

Жун Ху покачал головой:

— Эти избалованные дети знати приставали к Цю Лань и порвали ей одежду, но они не смели затевать драку со мной, а тот, кто решился распуścić руки, был молодой господин Тун.

— Опять этот подлец Тун? — Фэн Мин внезапно поднялся, спешно сделал два круга по комнате и, повернувшись, с недоверием спросил: — Он осмелился так заносчиво себя вести. Кто покровительствует ему? Неужели и впрямь это мать императора?

Цю Лань хотела что-то сказать, но промолчала.

За дверью донёлся звонкий крик:

— Прибыла мать-императрица! — Все, кто был в комнате, остолбенели. Увидев за занавеской вольготно держащуюся тень, Фэн Мин тотчас же всё понял и приглушённо сказал Цю Лань и Жун Ху: — Идите во внутренние покои.

Не успев обернуться, юноша заметил, как занавеска высоко приподнялась и в комнату вошла вдовствующая императрица в сопровождении четырёх-пяти нарядно одетых, словно цветущие ветки во всей красе, служанок.

— Фэн Мин рад видеть вдовствующую императрицу.

Женщина с любовью улыбнулась, приказывая Фэн Мину отбросить учтивость князя, и, держась за его руку, села на скамью и медленно проговорила:

— По слухам, из-за недавнего нападения император приказал князю Мину не покидать дворец наследного принца. Я подумала, что несчастному князю Мину, который привык бегать где

угодно, ужасно сидеть в четырёх стенах, и потому специально приехала его навестить. Вам уже лучше? Вы своевременно принимаете лекарство?

Охваченный гневом Фэн Мин, услышав вопросы матери-императрицы, которая говорила тихо, был вынужден сдержаться и ответить:

— Мне намного лучше. Придворный лекарь сказал, что мне уже можно заниматься верховой ездой. Изредка я принимаю лекарство, и то по чуть-чуть.

— Лекарство всё же стоит принимать согласно предписаниям лекаря.

От наполненного любовью взгляда Её Величества Фэн Мин смутился и, опустив голову, сказал:

— Понятно, тогда сделаю так, как говорит матушка-императрица. — А про себя подумал: «Неужели вдовствующая императрица приехала только ради того, чтобы заставить меня принять лекарство?» — И украдкой посмотрел на женщину.

Смышлёная Цю Юэ подала заваренный чай, вдовствующая императрица, взяв чашечку, посмотрела на служанку и спросила юношу:

— Сегодня князь Мин приказал своей служанке по имени Цю Лань отнести мне подарок?

Как раз обеспокоенный Фэн Мин, у которого не было удобного случая поднять эту тему, тотчас же кивнул и сказал с неким усилием:

— Сейчас позову Цю Лань, так как есть что рассказать Вашему Величеству...

Женщина молча выставила руку, перебивая Фэн Мина, и, сев прямо, тихо проговорила, обращаясь к слугам:

— Выйдите.

Все слуги, включая даже Цю Юэ, довольно учтиво покинули комнату, оставив князя Мина наедине с Её Величеством. Лишь только тогда мать императора со вздохом произнесла:

— То, что князь Мин хочет сказать, я уже знаю, ради этого я и приехала сюда. Тун-эр, этот ребёнок, слишком никчёмён, вместо того чтобы скорей жениться, он крайне беспечен в сравнении с кем-либо, неудивительно, что князь Мин злится на него. Я уже отругала его, впредь он больше не станет причинять хлопот.

Фэн Мин опешил, так как он никак не ожидал, что мать императора, бросив вскользь

несколько фраз, всё-таки станет оправдываться от лица Жун Туна. Юноша спешно проговорил:

— Ваше Величество, хорошо, что на этот раз рядом оказался Жун Ху, иначе с Цю Лань могло бы произойти...

— По поводу этого Жун Ху хочу кое-что сказать князю Мину. — Лицо женщины внезапно стало серьёзней. Она, являясь матерью Жун Тяня и долгие годы правив дворцом императорских жён, показала величие и могущество, что даже Фэн Мин почувствовал себя несколько побеждённым. Не желая, чтобы юноша что-либо говорил, вдовствующая императрица, слегка вздохнув, сказала: — Телохранители, что в последнее время защищают князя Мина, являются личным выбором государя, каждый из них обладает талантом и должен состоять в свите князя, к тому же во дворце и впрямь мало кто осмелится бросить им вызов. Только... князю Мину стоит хоть немного контролировать их, только так будет правильно. В этом Жун Ху князь Мин души не чает, а знает ли князь Мин, что сегодня он ударил Тун-эра?

В душе юноша был восхищён поступком своего телохранителя, однако, чтобы не казаться вдовствующей императрице слишком довольным, Фэн Мин откровенно признался:

— Я не знал. — Задумавшись немного, он с воодушевлением продолжил: — Только Жун Ху никогда не поднимет руку первым, чтобы ударить Тун-эра. Наверняка есть причина.

Вдовствующая императрица поморщилась:

— Тун-эр не такой, как остальные. Как Жун Ху осмелился трогать его?

Фэн Мин также наморщил брови:

— Почему это Тун-эра нельзя бить?

После долгого молчания вдовствующая императрица с сомнением посмотрела на юношу и проговорила:

— Государь разве ещё не рассказал князю Мину?

— Не рассказал что?

Женщина, немного обдумав, спросила:

— Князю Мину известно положение Тун-эра?

— Жун Тянь рассказывал, но немного. — Фэн Мин постарался вспомнить: — Он является

племянником генерала Тун Цзяньмина, и он также единственный сын старшего брата генерала Туна, который давно почил, а также является внуком чжанцзы [1] семьи Тун. С детства рос вместе с Жун Тянем, через несколько лет, последовав за ним, стал изучать военное искусство, может свободно покидать императорский дворец и является придворным любимчиком. Но, несмотря на это, он не имеет права делать во дворце всё, что вздумается и подстрекать остальных детей знати, чтобы те приставали к служанкам.

Вдовствующая императрица не проронила ни слова. Однако после долгого молчания она всё же тихо спросила:

— Это всё не главное. Князь Мин знает, кем является его матушка? Она моя тётушка — самая младшая единокровная сестра покойного императора.

Фэн Мин хотел было открыть рот, желая ответить, но внезапно поменялся в лице и, сразу же поднявшись на ноги, испуганно проронил:

— Тогда выходит, что Тун-эр является... является... — И со странным изумлением уставился на женщину.

Мать императора мягко кивнула, говоря:

— Верно. У Ань Сюня, младшего брата императора, не было наследников, а сам государь не был склонен к женщинам. Таким образом решили, что в будущем престол может занять либо Тун-эр, либо его сын.

Фэн Мин наконец понял, почему Жун Ху мог поплатиться, столкнувшись и ввязавшись в драку с этими показушными детьми знати, поскольку сам Жун Ху ни за что не осмелился бы драться с будущим наследником престола.

Если у Жун Тяня не будет потомства, то Тун-эр из-за благородного происхождения своей матушки станет хозяином Силэй. Даже если его и Жун Тяня настигнет ранняя смерть, то его сын также может унаследовать престол Силэй.

— Кроме Тун-эра больше ни у кого нет кровного родства с царствующим домом Силэй?

Вдовствующая императрица горько улыбнулась:

— Официальное положение высокопоставленных чиновников семьи Тун передавалось из поколения в поколение, к тому же Тун-эр из-за кровного родства — прямой императорский наследник. Как князь Мин хочет, чтобы я поступила? — Грациозно поднявшись, женщина слегка хлопнула в ладоши, и ожидавшие снаружи служанки одна за другой вошли в комнату, вытянув руки, стали ждать дальнейших указаний.

— Тун-эр ещё молод и может немного давать волю своему нраву, поэтому прошу князя Мина войти в положение. Глядя, как все мирно живут во дворце, мне будет приятно. —
Вдовствующая императрица обратилась к стоящей рядом с ней служанке со словами: — Возьми принесённый мной свежий чай и поднеси князю Мину и государю, чтобы они его отведали. А сейчас возвращаемся во дворец.

Фэн Мин лично проводил мать-императрицу и в безрадостном настроении вернулся в комнату, где, низко опустив головы, уже ждали Жун Ху и Цю Лань. Увидев благоговейный вид князя, двое слуг обеспокоились.

Жун Ху сквозь стиснутые зубы проронил:

— Это я ударил молодого господина Туна. Следуя словам князя Мина, я признаю свою вину, как хотите, так и наказывайте меня.

Цю Лань, внезапно подняв голову, устремила взгляд покрасневших глаз и прошептала:

— Это Ваша служанка навлекла на себя беду. Если князь Мин хочет кого-то наказать, то пусть лучше наказывает Цю Лань.

— Ах, не думал, что князю Мину тоже придётся сдерживаться, я полагаю, что даже Жун Тяню нельзя наказывать этого негодяя Тун-эра так, как захочется...

Спустя долгое время опечаленный юноша странно посмотрел на своего телохранителя:

— Жун Ху...

— Здесь.

— Если захочешь отомстить, то надевай маску.

— Князь Мин?

— Неужели не понял?

Жун Ху с воодушевлением в глазах проговорил:

— Понял.

В воцарившей на мгновение тишине все трое внезапно рассмеялись, понимая ход мыслей князя. Как раз в этот момент, подняв занавеску, в дверях появилась Цю Юэ и, перешагивая

порог, спросила:

— Князь Мин, чему вы так радуетесь? Только что из дворца выходила мать императора, и вид у неё был крайне неприятным и пугающим.

Фэн Мин подмигнул Жун Ху и, обращаясь к Цю Юэ, проговорил со смехом:

— Вовремя пришла, завари тот чай, что пожаловала вдовствующая императрица, и позволь мне попробовать его. Так ли он хорош, как говорят? По слухам, если выпьешь чашечку этого чая, то во рту ещё несколько дней будешь ощущать его привкус.

Когда Цю Юэ заварила чай, Цю Лань уже не плакала. Девушка вышла из комнаты, чтобы найти Цю Син и пригласить её. Собравшись за столом и отведав чая со своими слугами, Фэн Мин поднялся на ноги и, потягиваясь, сказал:

— Вы сидите, а я пойду немного прогуляюсь.

Жун Ху спешно поднялся, но юноша, надавив на его плечи, вновь усадил за стол. Нахмурился брови, князь сказал:

— Я во дворце наследного принца, не нужно целыми днями следовать за мной.

Фэн Мин вышел из комнаты и, заложив руки за спину, отправился на прогулку вокруг галереи. От шумного дела Тун-эра юноша в душе чувствовал недовольство, исходя из этого, можно было сразу представить, насколько Жун Тяню, как императору, приходится тяжело. Сопrotивление проявлялось везде, мало того, что другие страны хищно смотрели на вражеское государство, как тигр на добычу, так ещё и в императорском дворце не было ни сна, ни покоя. Этот негодяй Тун даже осмелился нацелиться на Цю Лань, почти наверняка создавая в императорском дворце нездоровую атмосферу, а когда Силэй начнёт войну, большая часть войск окажется под командованием Тун Цзяньмина.

Чем больше Фэн Мин думал об этом, тем сильнее беспокоился. Невольно испытывая угрызения совести, юноша устыдился, ведь обычно вместо того, чтобы делить с Жун Тянем тяготы, он, наоборот, всячески создавал проблемы и даже не знал, почему мужчина всё ещё не разозлился.

В душе юноша испытывал сожаление, которое росло в геометрической прогрессии, и впал в глубокое раздумье: ему стало казаться, что он действительно в огромном долгу перед Жун Тянем. Фэн Мин, спешно сделав несколько шагов, хотел как можно скорее найти мужчину, который, находясь во дворце наследного принца, был занят государственными делами. Но вскоре юноша остановился, подумывая, что если он сейчас безо всякого повода и причины ворвётся внутрь, разве это не создаст Жун Тяню ещё больше проблем?

«Внутреннего демона» внезапно охватила нерешительность [2]. И стоя во внутреннем дворике, Фэн Мин неожиданно не мог ни двинуться, ни пошевелиться.

— О чём задумался князь Мин? Неожиданно так сосредоточен, — сзади донёсся мелодичный и прозрачный мужской голос, который был низким и приятным, словно вино.

Фэн Мин с изумлением обернулся, бросая взгляд на изящный и красивый силуэт.

Облачённый в чисто-белое одеяние, которое было подвязано голубым поясом, силуэт одиноко сидел в углу беседки. Изящная рука находилась на каменном столе, подпирая ладонью очаровательную, залитую румянцем щеку, а его утончённый, красивый взгляд был устремлён на юношу. Всё это больше напоминало картину, нарисованную гениальным художником.

Этим силуэтом с самого начала являлся Лу Дань.

Примечания:

[1] Почётный титул сына князя императорской крови в эпоху династии Цин.

[2] В оригинале фраза звучит как «бояться получить и бояться потерять», обр.: всего бояться, жить в постоянном беспокойстве, быть нерешительным.

<http://bllate.org/book/13377/1190119>